

ЗА
ГАД
КИ

СКАЗКА
ВЛАДИСЛАВА
ХОДАСЕВИЧА

РИСУНКИ
В. ЗАМИРАЙЛО

«ЭПОХА»
ПЕТЕРБУРГ
1992

ЗАГАДКИ

СКАЗКА

ВЛАДИСЛАВА ХОДАСЕВИЧА

РИСУНКИ

В. ЗАМИРАЙЛО

«ЭПОХА» ПЕТЕРБУРГ 1922 г.

Посвящаю Гаррику.

Поясав кругом елки, пошумевши в передней, напялив шубы, штанишки, варежки, валенки, дети разъехались по домам.

— Ну, Володя, — сказала мама, — ты поиграй немного и ложись спать, уж десятый час. А я поеду на именины к тете Жене.

И мама уехала. Володя вернулся к елке. Свечи на ней догорали, гасли одна за другой. Теперь, на свободе, можно было заняться полученными подарками. Были тут разные вещи: заводной паровоз, сабля, солдатки... Но за паровозом надо было на четвереньках подзять по полу, а Володя уже устал; саблей воевать было не с кем, а солдатиков Федор Иванович напрасно ему подарил: Володе и свои надоели. За то еще два подарка оказались приятными: мешок с карамелью и книга. Мешок был ситцевый, весь в цветочках, карамель в разноцветных бумажках, а книга очень занятная. На ней крупными буквами было написано: «ЗАГАДКИ».

Сел Володя к столу, придвинул к себе мешочек и раскрыл книгу. Положив в рот конфету, прочел он первую появившуюся загадку. Она была вот такая:

«Что за всадник?—Сам верхом, а ноги за ушами?»

— Что, бы это могло быть? — подумал Володя. — У кого ноги возле ушей? Может быть, у кузнечика? Но какой же он всадник?

К этому времени первая конфета уже была съедена, и Володя для подкрепления взял вторую.

— Нет, не кузнечик,—рассуждал он:—тут что-нибудь не то.

Вопрос был такой мудреный, что пришлось скушать еще добрый пяток карамелек, но ответ так и не приходил в голову. Вскоре Володя потерял терпение, полез в конец книги, туда, где напечатаны были отгадки, и узнал, что всадник, у которого ноги за ушами,—не что иное, как очки.

— Забавно,—подумал Володя:—но как я сразу не догадался? Ведь так просто! Сидят очки на носу, а ноги у них за ушами.

И он скушал еще конфету.

Следующая загадка была тоже хитрая, но Володя почти сразу угадал в чем дело.

«Летит птица — не синица. Носок долог, голос звонок. Кто ее убьет, свою кровь прольет».

— Если всадник,—не всадник, а очки, да если ноги у него не за своими ушами, а за чужими, так и тут птица, которая не синица—должно быть, совсем не птица. Но все таки это что-нибудь летающее, и в этом летающем есть кровь, да еще кровь того, кто убьет это существо... Ну, значит, это комар; у него и жало длинное, и звенит он звонко.

Так рассудил Володя, потом посмотрел отгадку и узнал, что рассудил верно. В награду за это он опять съел конфету,—а кстати уж и другую, малиновую.

Так, загадка за загадкой, конфета за конфетой, съел Володя чуть не весь мешочек и перелистал в книге много страниц. Одни загадки были полегче, и Володя их скоро разгадывал, другие же потруднее, и над ними пришлось поломать голову. Иногда он все-таки добивался решения, причем иногда ошибался, иногда отгадывал верно. —а иногда терпения не хватало, и он одним глазом подсматривал ответ.

Долго ли это длилось, не знаем. Не знал и Володя. Однако, в мешке оставалось всего несколько карамелек, а на елке одна горящая свечка, да и та провалилась в подсвечник, дымила, мигала,— вот-вот погаснет.

Тут попалась Володе загадка, коротенькая, но хитрая:

«Что быстрее стрелы?»

Думал, думал Володя, но не мог ничего придумать. Голова тяжелела, глаза слипались, весь стол был завален бумажками от конфет, во рту было приторно, под дожечкой где-то слегка мутило, а все же ответ на загадку не приходил ему в голову.

Тут-то вот и случилось то чудо, из-за которого мой рассказ — не рассказ, а сказка.

Нижние ветки на елке зашевелились, сверкнули из-под них два блестящих глаза, и явился перед Володи́ей сам Серый Волк.

Володя не успел даже испугаться, как Серый Волк у него спросил:

— Ты чем это занят? Загадки разгадываешь? Пустяки! Лучше садись ко мне на спинку, да помчимся-ка мы с тобой за тридцать земель, в тридцатое царство, к царю Сластене.

— И что там у царя Сластены?—спросил Володя.

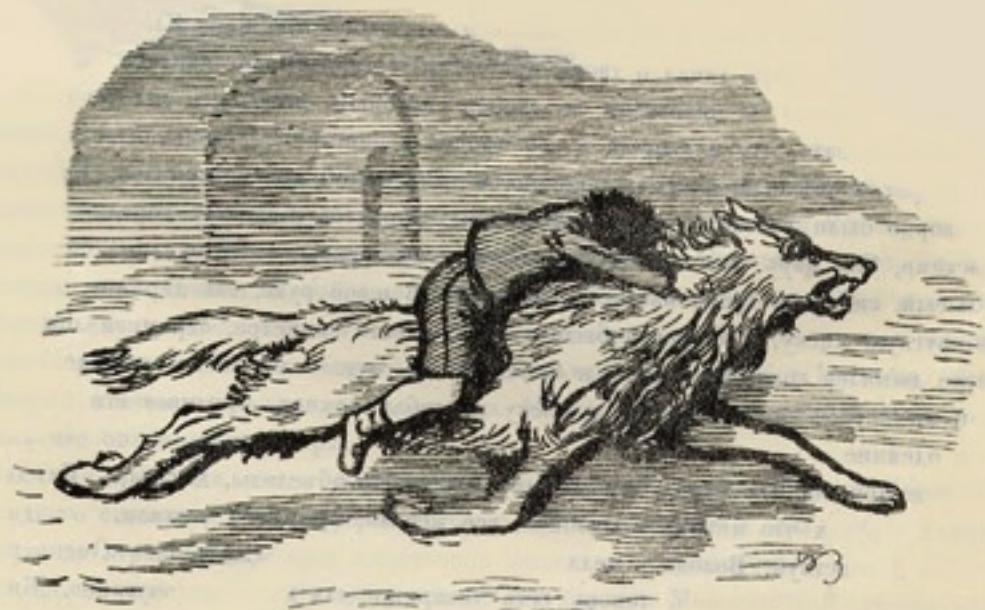
— Как что?—удивился Волк.—Монпансье, варенье, тинучки, яблоки, груши, сливы.

— А пшениная каша есть?—спросил Володя.

— Разумеется, есть. Там есть и лучшие вещи.

— А каша на молоке?—не унимался Володя

— На молоке.

— С сахаром?

— С сахаром.

— И с миндалем?

— И с миндалем. Да чего ты торгуешься? Скорей, садись ко мне на синну, и поедем.

Посмотрел Володя на свой мешочек, почти пустой, подумал, какими сладостями угостит его царь Сластена,—и говорит:

— Ну, поедем.

И тотчас очутился он на синне у Серого Волка. В голове у него помутилось, все поплыло перед глазами, в ушах загудел ветер, в тумане неясно замелькали какие-то огоньки, дома, колокольни, потом лес, моря, горы. Наконец, Володя почувствовал толчек и увидел, что Серого Волка нет, а сам он стоит на площади перед высоким дворцом. Колонны дворца разноцветные и прозрачные, сделанные из карамели. Широкая белая лестница — сахарная, с шоколадными перилами. От всего этого очень вкусно пахло, точно в кондитерской, и Володя уже собрался отколушнуть кусочек перил, как вдруг к нему подошел маленький, толстенький человек, в белом переднике и белой поварской шапке.

— Я главный повар и первый министр его величества царя Сластены,—сказал человечек.—Царь узнал о твоём прибытии и приказывает явиться.

Володя пошел за человеком во дворец, который описывать мы не станем. Довольно сказать, что и дворец, и все прочее в царстве Сластены было сделано из конфет, мармелада, печенья, варенья и тому подобных материалов. Картины во дворце были составлены из засахаренных фруктов и потому горели яркими красками. Сам царь, толстый, одутловатый, с нездоровым цветом лица, ленивый и лысый, сидел на троне из жженого сахара. В левой руке, как державу, держал он круглую миску, а в правой была у него, вместо скипетра, огромная ложка. В миске дымился горячий компот, и Сластена, не слушая дел, о которых докладывали министры, опускал ложку в миску и хлебал компот, проливая его на царское одеяние.

Все придворные были, повидимому, такие же объедалы, как царь. Каждый держал в руках чтонибудь съедобное, все жевали, грызли и чавкали.

— Здравствуй, Володя — медленно проговорил царь Сластена. — Очень рад тебя видеть. Вот, наконец, теперь есть товарищи для моих мальчуганов. Живи у нас, ешь сколько душе угодно, отказу тебе не будет.

Тут царь отложил в сторону миску и ложку, погладил себя по животу и тотчас задремал. Придворные стали расходиться, жуя на ходу, а Володю отвели к царским детям. Было их четверо: три сына и дочка. Старшему, которого, как и отца, звали Сластиной, было лет двенадцать. Средний, Миндаль, был ровесник Володе: ему недавно исполнилось девять,—а младшему, Мармеладу, шел шестой год. Царевна Оладья была еще совсем маленькая. Она лежала в кроватке, возле которой постоянно дежурило семь нянек. Матери у царских детей не было, потому что она недавно умерла.

Сперва Володя очень обрадовался предстоящей жизни у царя Сластины. Сладкого сколько хочешь, уроков готовить не надо, только и дела, что есть конфеты, да играть с царскими сыновьями. Не житье, а масленица.

Но на поверку все это оказалось не так хорошо. Мальчишки были балованные, капризные, ленивые и неразвитые. Они то и дело ссорились, то друг с

другом, а то и с Володей. Кроме сластей ничто их не занимало, ничего они не знали, постоянно плакали и болели животом. Лица у них были такие же бледные, как у отца.

Вскоре они ужасно надоели Володе, да и все Сладенное царство ему наскучило. Что, в самом деле! Едят одни сладости, ни кусочка черного хлеба во всей столице! Книжку нельзя почитать, тоже ни одной нет, здесь про них никто и не слыхивал. Куда ни пойдешь, — перепачкаешься: все липкое, сладкое, приторное. Захочешь выкупаться — полезай в молочную реку, а она теплая, парная: несколько не освежает. А берега у нее кисельные, вязкие, как болото. Гадость.

И еще одна печаль стала мучить Володю: соскучился он по маме, по своей комнатке. Что делается теперь дома? Нет ли котят у Пушички? Не приехал ли дядя Митя?

Так скучно стало Володе, что он иной раз и поплакивал. Наконец, не стерпел да и говорит царыньшам:

— Отпустите меня домой.

— Нет, — ответили они в один голос, — мы тебя не отпустим, ты нам кораблики из ореховой скорлупы делаешь.

— Отпустите, я вас очень прошу.

— И не проси: не отпустим.

Но Володя вспомнил про свою елку, про книжку с загадками, и еще больше захотел вдруг домой. Он решился на хитрость.

— Я бы, — говорит, — сам охотно остался у вас, да скучно: уж очень вы глупые. Даже ни одной загадки не можете отгадать.

— Как не можем? — вскричали сладеныши. — Загадывай сколько хочешь, все отгадаем.

— Нет, не отгадаете.

— Нет, отгадаем!

— Ну, хорошо, — говорит Володя. — Побьемтесь-ка об заклад. Я загадаю вам каждому по загадке. Если вы отгадаете все три, я останусь у вас навсегда. Если две — проживу я у вас десять лет. Если одну — пять лет. А если не отгадаете ни одной, то вы сейчас же велите Серому Волку отвезти меня к маме.

Царские сыновья согласились. — Это, — говорят, — нам ни по чем, придется тебе оставаться здесь навсегда.

И стал Володя припоминать загадки, которые прочел в своей книге. Первую задаю он старшему царевичу:

— Отгадай,—говорит,—что такое: «Дедушка смеется, нида шубонька на нем трисется».

Думал-думал царевич Сластина, да так ничего и не выдумал. Попросил три дня сроку на размышление и все-таки не разгадал.

— Вот видишь,—сказал Володя.—А это просто кисель. Ты его каждый день утром ешь.

Царевич обиделся, дал Володе подзатыльник и ушел, а Володя задаю среднему сластенышу вторую загадку:

«Ну, что за госпожа! Больно гожа: сидит на ложе, свесивши ножки».

— Отгадывай,—говорит,—что такое?

Задумался Миנדаль и попросил на раздумье целую неделю. Но и за неделю ничего не придумал.

— Глупый ты,—сказал Володя,—ведь это ланша.

— Ничего не глупый,—возразил Миנדаль,—а просто я и не думал про ланшу. Она не сладкая.

И он отвернулся. Тут подошел к Володе маленький Мармелад и говорит:

— Володенька, ты хороший. Загадаю мне загадку полегче: ведь я еще маленький.

А Володя и говорит ему:

— Хорошо, уж проще вот этой загадки и быть не может: «Бел как снег, в чести у всех». Ну, отгадывай, а не то придется вам отпустить меня к маме.

Но маленький Мармелад даже отсрочки не попросил, а как услышал загадку, так сейчас и расплакался:

— Не могу,—говорит,—отгадать, не знаю. Я еще маленький.

— Да ты подумай,—сказал Володя, которому не хотелось выигрывать наверняка: он был благородный мальчик.

— И думать не хочу!—кричит Мармелад:—уж если не знаю, так не придумую. Я еще маленький!

А сам ревет благим матом.

— Ну, и глупый же ты,—сказал Володя:—целый день сосешь сахар, а в загадке не можешь его узнать... Однако, прощайте,—прибавил он, обращаясь ко

всем трем царевичам.—Вы проиграли. Зовите Серого Волка, пускай несет меня назад к маме.

Но не тут-то было. Царские сыновья заупрямились. Не хотят отпустить Володю.

— Да ведь вы проиграли?—спрашивает Володя.

— Програли, а все-таки тебя не отпустим.

— Да ведь это не честно!—возмущается Володя.—Вы слова не держите!

— Ну, и не держим. Мы не простые дети, а царские. Что хотим, то и делаем.

Рассердился Володя, расстроился и пошел жаловаться царю. Царь выслушал его и расхохотался:

— Молодцы мои ребятишки! Умеют за себя постоять. Не сдаются. А уж ты-то хорош: с маленькими связался.

— Какие же маленькие? Один даже старше меня.

— Молчать!—закричал царь.—Вот лучше ты мне загадай загадку. Посмотрим, чего я не смогу отгадать.

И он самоуверенно засмеялся, набив себе рот халвой.

— Хорошо,—согласился Володя,—но дай мне свое царское слово, что если не отгадаешь,—я могу ехать к маме.

— Ладно, даю,—проворчал царь.—Не бойся, брат, разгадаю любую. Не придется тебе ехать к маме.

— Ну, вот тебе загадка,—сказал Володя:—«В земле родилась, в огне крестилась, на воду попала,—вся пропала».

— Гм... как? Повтори-ка,—проговорил Сластена.

Володя повторил.

Царь задумался. Думал час, два, три, скушал за это время целую миску гурьевской каши, два фунта изюму, коробку пастылы, тарелку клубники со сливками да блинчатый пирог с вареньем. Но ничего не выдумал. Позвал на помощь первого министра, собрал государственный совет.—все ни к чему. Рассердился царь. Велит привести Володю.

— Говори, скверный мальчишка, кто у тебя там в земле родился, в огне крестился?

— А к маме погнись?

— Ты еще поторгуйся! Вот я тебя!—И царь замахнулся ложкой.—Говори сейчас!

— Очень просто: соль,— отвечал Володя.
— Со-оль?— протянул царь Сластена и скорчил такое кислое лицо, какое только можно себе представить.
— Со-оль?— повторили за ним все министры, и все отплюнувшись.
— Со-оль?— опять протянул Сластена.— Да как же ты смел, щенок, задать мне такую дрянную загадку? Да разве же ты не знаешь, что я даже слова этого не могу слышать? Тьфу, мерзость какая! Соль!

И он опять плюнул, а за ним все придворные.
— Ну, ваше величество, вы все-таки проиграли. По уговору я могу ехать к маме,— сказал Володя, хотя весь дрожал от страха.
— Что?— завонил в ответ царь.— Вы слышите? Он не унимается! После такой несмысленной дерзости, как (тьфу!) соль, он еще смеет проситься к маме. Не пускать его никуда...

И опять пришлось Володе жить в опротивевшем царстве Сластены. Он худел, бледнел, чах, скучал, от одного вида сластенских подданных ему становилось тошно,— а избавления не было. Часто плакал Володя, проклиная Серого Волка и раскаяваясь в своей любви к карамели.

Так прошел целый год. Вдруг во дворце случилась беда. Не смотря на всех нянек, злая колдунья проникла в комнату царевны Оладьи и напустила на нее странную болезнь: непробудный сон. Царевна была жива, дышала, даже сосала сквозь сон тянучки, но разбудить ее не могли. Созвали знахарей, выписали докторов,— ничто не помогало. Царевна свала, и все были в отчаянии. Некоторые даже потеряли аппетит. Про Володю забыли.

Вдруг, в одно прекрасное утро, царь присылает за ним скорохода. Володя идет, весь дрожит: знает, что царь не в духе. Входит— а царь глядит на него злорадно, улыбается и говорит:

— Подойди-ка сюда, Володичка. Здравствуй, милый. Как поживаешь?
— Плохо,— сказал Володя.— Скучно мне здесь. Отпусти меня к маме.
— Что-ж, это можно,— ответил царь.— Если уж тебе так не нравится, я готов отпустить тебя. Только окажи ты нам одну услугу. Вот видишь ли... Да что ж ты стоишь, голубчик? Присаживайся.

И царь, потеснившись на ледецовом троне, усадил Володю возле себя.
— Вот так. Не хочешь ли агельснички? Нет? А кусочек медового пряника? Тоже нет? Ну, после покушаем. Вот видишь ли, милый, ты, помнится, молодец

по части загадок. А у нас выходит беда: Оладунка наша недорова, ты это знаешь?

— Знаю.

— Так вот, приехал вчера один звездочет, посмотрел на нее и сказал, что она сейчас выздоровеет, как только я сам, или кто-нибудь из моих подданных, разгадает одну загадку: думали мы все много, а разгадать не можем. Хотим у тебя спросить.

— Какая ж это загадка?—спросил Володя.

— Совсем коротенькая,—ответил царь:—«Что быстрее стрелы?» Ну? Что быстрее стрелы? Угадывай-ка скорее. Угадаешь—отпущу к маме, не угадаешь—велю казнить тебя: сварить в шоколаде.

И с ужасом вспомнил Володя, что это та самая загадка, над которой он ломал голову, когда явился к нему Серый Волк. И чуть слышным голосом он ответил царю:

— Не знаю.

— Как не знаешь? Подумай, дорогой мой. Ведь это так просто: что быстрее стрелы?

— Не знаю,—повторил Володя.

— Эй, берегись!—крикнул царь.—Не прикидывайся дурачком, говори скорее.

— Да не знаю же я,—всхлиывая, проговорил Володя.

Тогда царь объявил:

— Даю тебе три дня на размышление. Уведите его, да смотрите, как бы не убежал.

Володю увели. Все три дня провел он то в горьких, бессильных слезах, то в бесплодных попытках разгадать загадку. Как он теперь раскаивался, что соблазнился поездкой в Сладенное царство, как плакал по бедной мамочке, как жалел, что, садясь Волку на спину, не заглянул в отпадки или не сунул книжку в карман: ведь в ней всеми буквами напечатано это слово, простое слово, от которого зависит теперь его жизнь! И он вздрагивал, думая о том, каково быть заживо сваренным в шоколаде.

Однако, сколько ни думал бедный Володя, сколько ни плакал,—все было напрасно.

А время шло. И царь, и весь его двор, и народ—все напрасно ломали голову. Разгадка не приходила, царевна не просыпалась. Миновали три дня, Володе

дали еще три, потом еще один,—все напрасно. Наконец, царь потерял терпение, вышел из себя и велел Володю казнить.

Все было приготовлено. На дворцовом дворе кипел шоколад в большом чугуне, под который палач в красном камзоле подкидывал дрова. Володю привели, раздели, подвели к чану. Он плакал, кричал, отбивался — тщетно. Палач схватил его за волосы, поднял над чаном и...

И Володя проснулся. Он сидел за столом, заваленном бумажками от съеденной карамели. Голова его лежала на книге загадок. Он оглянулся. Все было точь-в-точь так, как в ту минуту, когда появился Волк.

Володя взглянул на елку. Последняя свеча, которая готова была погаснуть перед приходом Волка, только что, видимо, погасла, и тонкая струйка дыма еще над ней колыбалась.

— Как же не долго я спал! — подумал Володя, — а как много видел во сне! Как быстро все промелькнуло!

И тотчас он понял, что ответ на загадку: «Что быстрее стрелы?» — сон.

